

DOI 10.15393/j9.art.2018.4841

УДК 821.161.1.09“18”

Вячеслав Анатольевич Кошелев

*Нижегородский государственный исследовательский университет
им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)
(Арзамас, Российская Федерация)*

viacheslav.koshelev@mail.ru

**«...ВСЯ КОЛОМНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПРИРОДА ЖИВАЯ...»:
«ДОМИК В КОЛОМНЕ» А. С. ПУШКИНА
И ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»**

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства первоначального знакомства А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, вызывающие ряд вопросов. Почему Пушкин знакомит Гоголя прежде всего с новой поэмой «Домик в Коломне»? Отчего Гоголь оценил в этой поэме в первую очередь ее непонятный сюжет и отражение «петербургской природы»? Что значит топография Коломны для Пушкина и Гоголя? Почему они поселяли в этот район столицы персонажей своих произведений? Ответы на эти вопросы позволяют уточнить творческие отношения двух классиков русской литературы.

Ключевые слова: Коломна, встреча, поэма, сказка, повесть, топография, реконструкция, фантастика

В письме к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 года Гоголь сообщал о своем раннем общении с «живыми классиками» петербургской словесности:

«Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. <...> Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая. — У Жуковского тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто

русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут» (*Гоголь*: X, 214)¹.

Уже в начале XX столетия исследователи Гоголя довольно скептически воспринимали это свидетельство. «Личная близость Гоголя к Пушкину в гоголевской литературе заподозрена, и прежняя идеализация их личных отношений — поколеблена», — констатировал еще в 1924 г. В. В. Гиппиус [Гиппиус, 1994: 38]².

В самом деле: если рассмотреть чисто «житейскую» ситуацию лета 1831 года в жизни Пушкина, Жуковского и Гоголя, то нельзя не «заподозрить» это гоголевское свидетельство в некотором хвастовстве. Пушкин впервые услышал о Гоголе из письма П. А. Плетнева от 22 февраля 1831 г.; Плетнев сообщал:

«Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев<ерных> Цветах отрывок из исторического романа, с подписью ОООО, также в Литературной Газете Мысли о преподавании географии, статью Женщина и главу из малороссийской повести Учитель. Их писал Гоголь-Яновский. <...> Жуковский от него в восторге» (*Пушкин*: XIV, 153)³.

Пушкин (живший тогда с молодой женой в Москве, но уже собравшийся переселяться на летние месяцы в Царское Село) не очень доверял литературным «восторгам» Плетнева — и ответил на его «рекомендацию» не сразу, а только через два месяца (и «через два письма»), в середине апреля:

«О Гоголе не скажу тебе ничего потому, что доселе [ничего] его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где ради Бога найми мне фатерку...» (*Пушкин*: XIV, 162).

Еще через месяц, 20 мая 1831 г., на вечеру у того же Плетнева ему представили молодого Гоголя. Но он как будто его не очень запомнил: поэта гораздо больше занимало первое знакомство его молодой жены с петербургским литературным миром, произошедшее на том же вечере. Во всяком случае, когда в июне того же года Пушкин разговаривал с В. А. Соллогубом, то на вопрос последнего, «знает ли он Гоголя, отвечал, что еще

не знает, но слышал о нем и желает с ним познакомиться» [Гоголь в воспоминаниях современников: 76].

Пушкин с женой поселились в Царском Селе (в доме вдовы царского камердинера А. Китаевой) 25 мая 1831 г. С середины июня 1831 г. Гоголь живет по соседству, в Павловске, в качестве учителя умственно неполноценного сына А. И. Васильчиковой Василия. Перед отъездом из столицы он отдал в типографию первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», — и ждет выхода книжки. Между тем в Петербурге началась эпидемия холеры (и даже произошел холерный бунт), что осложнило работу почты. Почта в Павловске оказалась неисправна — и в конце июня Гоголь воспользовался этим, попросив у Пушкина (дом которого находился в четырех верстах) разрешения пользоваться его царскосельским адресом для пересылки корреспонденции (этот адрес он тогда же с гордостью написал в двух письмах к матери — *Гоголь*: X, 200, 201). Кажется, его «литературное общение» с Пушкиным на первых порах этим и ограничилось.

9 июля в Царское Село приехал В. А. Жуковский, а на другой день — и весь царский двор во главе с Николаем I. Тихий дачный пригород тут же превратился в шумное «придворное» место. Николай Павлович находился в Царском Селе около двух недель (до отъезда в Старую Руссу для подавления холерных бунтов в военных поселениях) — и за это время, по свидетельству А. О. Смирновой-Россет, встречался с Пушкиным во время прогулки в парке и предложил ему поступить на службу⁴. В ответ на предложение императора Пушкин подал записку о возможности собственного устройства и о программе задуманного им политического и литературного журнала на имя А. Х. Бенкендорфа (*Пушкин*: XIV, 279–285). Именно тогда он сочинял «по желанию Государя»⁵ послание «Клеветникам России». Александр II вспоминал, что поэт «прежде всего прочел» это написанное им стихотворение членам царской семьи⁶. В июле-августе 1831 г. Пушкин, живя в Царском Селе, был более, чем когда-либо близок к власти. «Царь со мною очень милостив и любезен, — сообщал он П. В. Нащокину 21 июля. — Того и гляди попаду во временщики...» (*Пушкин*: XIV, 196).

В этой суетливой обстановке Пушкину, увлеченному вновь открывшимися житейскими возможностями и занятому ответственными хлопотами, было, честно говоря, не до ежевечерних встреч с Гоголем (тем более что вечерами Пушкин с Жуковским зачастую бывали, как пишет Смирнова-Россет, у нее в фрейлинском доме⁷).

Между тем Жуковский, переживавший в этот период творческий подъем, весьма заинтересовался новыми пушкинскими произведениями, созданными осенью 1830 г. в Болдине. Он ежедневно общается с Пушкиным — и с жадностью читает всё, недавно написанное поэтом. Вот записка Жуковского к Пушкину, тоже относящаяся к середине июля:

«Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердись на Чуму: она едва ли не лучше Каменного Гостя. На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется и то и другое еще можно усилить. — Пришли Онегина, Сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные» (*Пушкин*: XIV, 203).

Жуковский демонстрирует в данном случае завидную осведомленность в творческих замыслах Пушкина, реализованных «болдинской осенью».

Но и к молодому Гоголю Жуковский относился с расположением — и с самого начала оказался в более тесных, чем Пушкин, отношениях с начинающим писателем. Именно с его подачи Гоголь действительно мог побывать на двух-трех вечерах и несколько познакомиться с новыми, не опубликованными еще, пушкинскими вещами. Пушкин уже, вероятно, прочел ранние опыты Гоголя (на которые ему указал Плетнев); он, возможно, слышал в авторском чтении (или прочитал в рукописи) повести из первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (В. А. Соллогуб вспоминал об авторском чтении «Майской ночи» в Павловске [Гоголь в воспоминаниях современников: 75–76]). В свою очередь, и Пушкин мог познакомиться его со своими новыми вещами вроде упомянутых в приведенном выше письме Гоголя к Данилевскому «Домика в Коломне» и «Сказки о попе и работнике его Балде». Без сомнения, при этом знакомстве присутствовал и Жуковский.

В. Е. Хализев указал на «неслучайность» того обстоятельства, что Пушкин прочитал «Домик в Коломне» именно Жуковскому и Гоголю («как и то, что после болдинской осени с “Повестями Белкина” он обратился к Е. А. Боратынскому, а с литературно-критической прозой — к П. А. Вяземскому» [Хализев: 401]). Между прочим, с «Повестями Белкина» автор «Вечеров...» тем летом так и не познакомился, хотя Пушкин послал их в Петербург (для передачи Плетневу) именно «с Гоголем» (отъезжавшим из Павловска 15 августа — *Пушкин*: XIV, 209). Содержание передаваемой посылки осталось для него неизвестным (см.: [Долинин: 188]).

Примечательно, что Жуковский и Гоголь, первые из русских писателей, познакомившиеся с «совершенно русскими» сказками Пушкина, оказались как будто единственными, кто сумел по достоинству оценить их. Другие литераторы пушкинского круга считали занятие «сказками» если не «ошибкой», то странной пушкинской «прихотью». Так, П. А. Вяземский к этим потугам относился (как констатировал его сын) «всегда недоверчиво и враждебно»⁸, а Е. А. Боратынский, в 1833 г. прочитавший пушкинскую «Сказку о царе Салтане...», недоуменно заметил в письме к И. В. Киреевскому: «Это — совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток. Чтò за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу?...»⁹.

Гоголь как будто придерживается принципиально иной точки зрения. 8 сентября 1831 г. его навел в Петербурге Пушкин (приезжавший на день из Царского Села). Среди прочего он сообщил, что уже закончил ту «сказку русскую народную» (*Гоголь*: X, 214), которую сочинял, соревнуясь с Жуковским на глазах Гоголя. 10 сентября Гоголь сообщает в письме к Жуковскому:

«...Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам...» (*Гоголь*: X, 207).

В этом «соревновании», затеянном в Царском Селе, и Пушкин, и Жуковский ориентировались на народное сознание и на творчество «для народа». Сюжеты для сочиняемых сказок были напрямую взяты из пушкинских записей сюжетов Арины Родионовны (их поэт записал еще в михайловской ссылке в рабочей тетради ПД № 836): «Некоторый Царь задумал жениться...» и «Некоторый Царь ехал на войну...»¹⁰. А заглавия их были прямо стилизованы под лубочную литературу: «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» и «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери». «Соревнующиеся» поэты как будто приблизились к той вершине творчества, «где высокая литературность соединяется с простонародностью» [Манн: 225].

В данном случае Гоголь откровенно торжествует: где-то «между» сентябрьским приездом Пушкина и письмом к Жуковскому (скорее всего, 9 сентября) он, наконец, получил из типографии экземпляры первого тома «Вечеров...», который составили подобные же «сказки». В данном случае он как будто «попал» в то значимое направление словесности, вокруг которого начинает «строиться» новая русская литература.

Другой текст, с которым Пушкин познакомил Гоголя, он оценил совсем иначе, чем Жуковский. Для Жуковского «Домик в Коломне» — не более, чем «сказка октавами»: он, как и большинство поэтов следующей за Пушкиным эпохи, оценил прежде всего стихотворную форму, соединившую классическую традицию «торкватовых октав» с непритязательной «сказкой» ни о чем. Именно подобное соединение рождало ту особенную прелесть по видимости «пустого» пушкинского повествования. Именно его сделали основой для своих подражаний этой поэме и Лермонтов («Тамбовская казначейша», «Сашка», «Сказка для детей»), и Фет («Талисман», «Сон», «Две липки», «Студент»), и Майков («Машенька»), и Огарев («Ровесники», «Юмор»), и Тургенев («Параша», «Поп», «Андрей»), и Полонский («Братья»), и А. Толстой («Сон Попова», «Портрет»)... «По количеству вызванных подражаний “Домик в Коломне”

может сравниться только с «Кавказским пленником»...» — констатировал Б. В. Томашевский [Томашевский: 403]. Все эти подражания, растянувшиеся на полвека после создания пушкинской поэмы, шли от того странного открытия «разговорной октавы», которое поначалу даже самому Пушкину представлялось основным ее содержанием: не случайно он в 1830–31 гг., в письмах и перечнях произведений, упоминал поэму именно под названием «Октавы»¹¹.

Гоголь же, познакомившийся с пушкинской поэмой, воспринял ее принципиально иначе: это — *«повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая»*. То есть Гоголь обратил внимание прежде всего на «событийный» ряд пушкинской поэмы, на петербургскую топографию, в ней отразившуюся, — и на странный, не объясненный в сюжете анекдот о «кухарке», оказавшейся мужчиной.

Подобное восприятие обнаруживает некоторые странности. Гоголь мог читать (или слышать в авторском чтении) только «болдинскую» редакцию поэмы (еще не имевшую привычного нам заглавия). Эта редакция состояла из 48 октав (текст, опубликованный в 1833 г., включал лишь 40 октав) — и «петербургская природа живая» отнюдь не составляла ее содержательной основы. Композиция «повести, писанной октавами», кажется весьма причудливой. Первые 16 октав занимает некая «болтовня» об октаве, александрийском стихе и гекзаметре, о Буало и «поэтах юга», о Рысаке и Пегасе и о многом другом — некие «шалости» Музы. Далее автор переходит, наконец, к «петербургской природе»:

XVII

Усадья, Муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки — не вертись, резвушка.
Теперь начнем. Жила была вдова
(Тому лет 9), бедная старушка,
С одною дочкою. У Покрова
Стояла ветхая ее лачужка —
За самой будкой. Вижу, как теперь,
Светлицу, три окна, крыльцо и дверь.

XVIII

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым, вечером, пешком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном —
О той поре, когда я был моложе —
Я думал, живы ли оне? и что же?

XIX

Мне стало грустно. И на новый дом
Глядел я мрачно. Если б в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя... (23–24)

Собственно, «петербургская природа» тут и кончается. Далее следует неторопливое, с многочисленными отступлениями в сторону, описание жизни хозяек этого дома — из него можно вычленить такие «природные» детали быта петербургской Коломны вроде раннего закрытия ставен, «мяуканья котов по чердакам», тихих ночных улочек, походов на службы «к Покрову» и т. д. Наконец, уже ближе к концу, с XXXV октавы, начинается собственно фабула: то, что Гоголь обозначил в своем заглавии повести — «Кухарка»...

Современное пушкиноведение представило целый веер интерпретаций этой фабулы. Поэма предстает то бытовой святочной «шуткой», соответствующей традиционному укладу русской жизни: обряд святочного «ряжения» [Панченко: 42], то — изысканной «самопародией» на только что завершённого «Евгения Онегина» [Гаспаров, Смирин: 254–273]. Чаще всего она рассматривается с точки зрения реализации формы стихотворной новеллы комического характера [Поволоцкая: 31–43] — не случайно же Жуковский ставил ее («сказку октавами») в один ряд с «прозаическими сказками», то есть «Повестями Белкина».

Но что же, в конце концов, скрывалось за «недосказанным», хотя и снабженным «моралью» сюжетом? Какую роль в этой истории играла «дева томная» — Параша, которая привела

в «ветхую лачужку» дешевую кухарку, на поверку оказавшуюся мужчиной? То ли просто «обмишурилась» — то ли спешила реализовать то проснувшееся чувство любви, которое будоражило ее сердце: «Сердце девы томной, / Бывало, слышно ей, когда оно / В упругое стучалось полотно» (26). Автор даже обещает «ответить» на задаваемые им вопросы, касающиеся поклонников Параша: «Меж ими кто ж был сердцу девы ближе / Или равно для всех она была / Душою холодна? Увидим ниже...» (курсив мой. — В. К.) (28).

Но «ниже» — ничего не разъясняется. Во всяком случае, мнимая кухарка убежала, «не наделав слишком много бед / У красной девушки и у старушки» (33)... Показательно, что В. Ф. Ходасевич, включивший «Домик в Коломне» в цикл «петербургских повестей Пушкина», предположил наличие некоей «демонической» составляющей в облике «мнимой кухарки»: это «мелкий бес», «где-то, когда-то сумевший прельстить неопытное сердце Параша» [Ходасевич: 178]. Но и в этом случае фабула повести остается недосказанной.

Да и то, что действие повести происходит в Петербурге, — оказывается, в конечном счете, условностью. Подобный сюжет мог бы развернуться в любом российском городе: везде можно найти и «заставу», и «ветхую лачужку», и церковь, — в общем-то, этими указаниями ограничиваются приметы того топоса, в котором существуют герои. Помимо «мирной Коломны» упоминается еще церковь Покрова, «супруга Гоффурьера», живущая «при дворе» и кладбище на Охте, куда отвезли покойную кухарку. Других собственно «петербургских» примет в повести нет.

Зато есть яркий автобиографический подтекст. Действие происходит «назад тому лет 9», — а в 1817–1820 гг. Пушкин, после окончания Лицея, действительно жил у родителей в петербургской Коломне, в доме адмирала Клокачева, близ той самой церкви Покрова. В пушкинские времена Коломна была самым бедным и самым демократичным районом Петербурга: там жили ремесленники, торговцы, отставные унтер-офицеры. Квартиры были дешевы, — поэтому там селились небогатые дворяне. Жизнь отличалась специфическими чертами. А. Г. Яцевич в книге о пушкинском Петербурге привел

свидетельство некоего «современника»: «Здесь, при свете сальной свечи, согнувшись, сидит трудолюбие; в тесной квартире, обращенной во двор окнами, скрывается огромный талант; в бельэтажах здешних домов не бывает раутов; есть лавки, но нет магазинов; по улицам не только гуляют, но и ходят пешком; здесь встают, когда там еще спят, и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним выездам» [Яцевич: 8].

Дом Клокачева был трехэтажным, в 10 окон по фасаду каждого этажа (квартира Пушкиных, в семь небольших комнат, была в третьем этаже). Дом выходил на набережную Фонтанки и очень выделялся на фоне небольших деревянных домиков, расположенных рядом и действительно пришедших в «ветхость» (район Старой Коломны начал осваиваться еще при Елизавете Петровне (см.: [Пыляев: 230–233])). Пушкин жил в нем около четырех лет — и, в сущности, этот его первый петербургский адрес остался самым «устойчивым»: во всех остальных съёмных петербургских квартирах он жил не более полугода. А до 1830 года (до времени создания поэмы) это был вообще его единственный петербургский адрес (не считая Демурова трактира). В юности он подолгу болел; его домашняя обстановка была весьма непритязательной¹², — и он вынужден был из окон третьего этажа присматриваться к той «другой жизни», которую вели бедные обитатели окрестных «ветхих лачужек».

Может быть, этой «ностальгией по юности» и объясняются неожиданные инвективы в адрес «трехэтажного дома», который вырос на месте «лачужки», заявленные в той картине «петербургской природы», которая привлекла Гоголя? В цитированном выше фрагменте выражено странное желание уничтожить этот дом и «озлобленно» наблюдать охватившее его пламя — желание, в общем, несвойственное Пушкину, любившему «строгий, стройный вид» российской столицы.

Но это желание вполне соответствует пушкинскому тяготению к поэтизации именно «*уединенного домика*», «*ветхой лачужки*». Эта пушкинская мифология отразилась не только в лирических стихах (вроде стихотворений «Домовому» или «Зимний вечер»), но более всего как раз в «петербургских

повестях»: кроме «Домика в Коломне», мы отыщем ее и в «Уединенном домике на Васильевском», и в «Медном всаднике», герой которого тоже «живет в Коломне» — но мечтает о счастливом будущем с Парашей в «ветхом домике» «у самого залива» (*Пушкин*: V, 139). Пушкин, который, в сущности, с детства оказался лишен поэзии «своего дома» («поэзия усадьбы» — это нечто иное), восстанавливал ее тяготением к подобной «мещанской» мифологии.

Такой неожиданный поворот в осмыслении «петербургской природы живой» оказался соответствен мыслям Гоголя, который тоже немало наблюдал строящийся Петербург. «Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся...» (*Гоголь*: VIII, 56) — заявляет он в очерке «Об архитектуре нынешнего времени» (1833–1834). И далее — основная претензия: «Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей. Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза. <...> Оттого новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен и больше ничего» (*Гоголь*: VIII, 61–62).

Здесь — не только протест против «типовой» архитектуры Петербурга (хотя бы и «ампирной»). «Беспрерывно строящиеся» новые здания поневоле уничтожают те «уединенные домики», каждый из которых носил печать индивидуальности хозяев, живших в них. На место индивидуальности становится «стройность одинаковости», «совершенно гладкая», как то место, которое осталось после пропажи носа майора Ковалева. Эта «заданная» одинаковость попросту убивает человека, вынужденного жить в мире огромного, определяющего законы социального бытия, непостижимого города. Так из наблюдений над двумя октавами пушкинской поэмы, где отразилась «петербургская природа живая», выкристаллизовалась основная идея гоголевских «петербургских повестей».

С. А. Фомичев обратил внимание, что наибольшее число петербургских реалий содержится не в собственно пушкинских «петербургских» повестях и поэмах, — а там, где Петербург упоминается лишь попутно, — в «Станционном смотрителе». В этой повести петербургский текст «занимает всего две страницы, но во всей предшествующей русской прозе нельзя, пожалуй, собрать такого количества петербургских примет, выраженных с пушкинским лаконизмом и предельной мерой точности: “остановился в Измайловском полку”, “живет в Демутовом трактире”, “шел по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих”» и т. д. Между тем, например, в «петербургской» «Пиковой даме» реальные черты города намеренно размыты: “очутился в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры”, “вошел в кондитерскую лавку”, “отправился в *** монастырь”, “обедал в уединенном трактире”. Автор считает, что именно эта «размытость» «позволяет исподволь нагнетать фантастическую атмосферу в повести» [Фомичев, 2007: 209].

Но дело не только в «фантастической атмосфере». Для Пушкина, жителя Петербурга, не менее существенно другое: точные столичные адреса имеют смысл только применительно к провинциальному зрителю Самсону Вырину, приехавшему в Петербург единственный раз и по важному для него делу. Постоянный житель столицы просто «не замечает» этих адресов: он фактически *не живет* в Петербурге.

Гоголь в своих «петербургских повестях» конструирует подобную же топографию. Если представить изображенный им Петербург с точки зрения литературной «географии», то увидим, что опорным топосом бытия городских жителей оказывается географический *центр* города, примыкающий к «улице-красавице нашей столицы»:

«Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской, или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект!» (Гоголь: III, 9–10).

Именно на нем происходят все значимые события. Там встречаются два приятеля, разные по профессии и по всему остальному: художник Пискарев и поручик Пирогов. Они видят двух прекрасных незнакомок — и устремляются за ними; каждому «хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда» (Гоголь: III, 16).

Но последнее как раз скоро открывается: одна из них живет в «доме, что в Литейной», другая — «в Мещанской улице». Остается неизвестным, где живут сами Пискарев и Пирогов. Точно так же — как и герой «Шинели» Башмачкин, и герой «Записок сумасшедшего» Поприщин. Установка автора проста: «...в *одном департаменте служил один чиновник*» (Гоголь: III, 141). И жил, соответственно, *в одном из домов* (правда, определенно не «в лучшей части города»). Гоголь специально уточняет: «всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде» (Гоголь: III, 158).

Да и зачем «доставать»? Все петербургские дома, как заметил Гоголь «похожи один на другого» — для живущего в них человека разница только что в этаже (на котором расположена съёмная квартира). Но и здесь разница лишь в отношении «престижа»: герои гоголевских повестей не живут в бельэтажах и в модных частях города — к чему же тогда уточнять? Ни Поприщин, ни Башмачкин не ходят вечерами гулять по Невскому проспекту: рядовой житель столицы не нуждается во «всеобщей коммуникации». Его собственная «коммуникация» бытия состоит из ежедневного похода на службу и неприхотливого отдыха дома — *Петербург* является только условным знаком его бытия, от естественного «дома» оторванного... Поэтому — не всё ли равно, где именно в столице он снимает квартиру? Всякий житель «живет без вывески на небольшой улице» (Гоголь: III, 156) — как портной Петрович.

Иное дело — когда сам такой «адрес» оказывается знаковым. Подобные «адресные знаки» рассыпаны в повестях «Нос» и «Портрет». Майор Ковалев не упускает сказать уличной торговке: «...ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой...»

(Гоголь: III, 53). А при первом упоминании «цирюльника Ивана Яковлевича» сразу же дается указание, что тот живет «на Вознесенском проспекте». Ковалевский нос материализуется в «почтенного гражданина» «на Исаакиевском мосту»; он молится «в Казанском соборе», прогуливается «на Невском проспекте» и «в Таврическом саду»... Всё это — знаки особенной петербургской «престижности» (географически сосредоточенной на небольшом центральном «пяточке» столицы) — и от этого гоголевская фантасмагория и (по пушкинскому определению) «шутка» кажется не такой уж фантасмагорией и «шуткой».

А действие «Портрета» начавшись «по соседству» с адресом майора Ковалева — «на Шукином дворе» — переносится в дальний угол столицы: «...в пятнадцатую линию на Васильевской Остров» (Гоголь: III, 83). И духовная гибель художника начинается тогда, когда он переселяется в «великолепнейшую квартиру на Невском проспекте» (Гоголь: III, 97)...

Странным образом адрес художника Чарткова соотносится с адресом обитателей пушкинской «ветхой лачужки», живших совсем на другом конце Петербурга. Описывая хозяина его квартиры, Гоголь указывает: такими «обыкновенно бывают владельцы домов где-нибудь в пятнадцатой линии Васильевского Острова, на Петербургской стороне, или в отдаленном углу Коломны» (курсив мой. — В. К.) (Гоголь: III, 93).

Выходцем как раз из «отдаленного угла Коломны» оказывается и «дивный ростовщик», обладающий таинственной и зловещей властью над людьми: «Никто не сомневался о присутствии нечистой силы в этом человеке» (Гоголь: III, 125). В первой редакции «Портрета» (1835) он прямо назван «антихристом», пришедшим в мир, чтобы его погубить, — и при этом явился он именно в петербургскую Коломну!

«Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция... <...> Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья. Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом, и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком

в мелочной лавочке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею да на четыре сахару, и наконец весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни сё ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов» (*Гоголь*: III, 119).

Жители Коломны — обычные, «серые» люди. И жизнь предместья вроде бы не особенно выделяется из обыкновенной:

«Жизнь в Коломне страх уединенна... <...> Тут всё пешеходы; извозчик весьма часто без седока плетется, таща сено для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей в месяц даже с кофеем поутру» (*Гоголь*: III, 120).

Наконец, появляются персонажи пушкинской поэмы:

«Вдовы, получающие пенсион, тут самые аристократические фамилии; они ведут себя хорошо, метут часто свою комнату, толкуют с приятельницами о дороговизне говядины и капусты; при них часто бывает молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стенные часы с печально постукивающим маятником» (*Гоголь*: III, 120).

Обитатели пушкинского «домика в Коломне» получают у Гоголя какую-то тревожную черту восприятия: этакий «несчастный осадок человечества», среди которого и возникают всякие «небольшие ростовщики», замечательные тем, что «слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества» (*Гоголь*: III, 121). Это уже — «мелкие бесы» (подобные пушкинскому бесу в облике «кухарки»: Бог вещь, что ему понадобилось!). Но рядом с ними у Гоголя возникает «антихрист».

Это явление «антихриста» внутри по-пушкински представленной «Коломны и петербургской природы живой» в первой редакции «Портрета» хронологически «отодвинуто» на пятьдесят лет назад. В повести было тщательно согласовано время действия: история ростовщика (воплощения антихриста в жизнь) относится к эпохе Екатерины II; смерть его и написание портрета датируется 1782 годом; свидание монаха-художника с сыном происходит после окончания русско-

турецкой войны (1812 — через «тридцать лет» после создания портрета); на аукционе сын присутствует уже стариком — прошло еще «двадцать лет», наступил 1832 год. После его рассказа и «объявления истории» ростовщика «в первое новолуние» портрет исчезает: исполнился назначенный срок его существования.

Во второй редакции повести (1842) Гоголь намеренно не датирует событий, стирая границы между прошлым и настоящим. События развиваются не столько во времени, сколько в пространстве Петербурга. В этом пространстве ростовщик присутствует повсюду: в Коломне, где «самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики» (*Гоголь*: III, 121), в лавочке Щукина двора, в жилище бедного художника, в светской гостиной, на бирже, в аукционе... При этом история художника Чарткова превращается лишь в одно частное звено в общей цепи универсального зла, которое он приносит. И, наверное, будет приносить: в заключительном абзаце выясняется, что портрет «украден» (а не превратился в безобидный пейзаж, как в первой редакции), — и не исключено, что он еще «всплывет» где-нибудь на петербургских пространствах.

Гоголевская повесть «универсальна с точки зрения художественных параллелей» [Дилакторская: 121] — в том числе и с Пушкиным. Разные исследователи сопоставляли ее и со «Скупым рыцарем», и с «Моцартом и Сальери», и с «Пиковой дамой», и с «Демоном», и со «Сценой из Фауста»¹³. Но с точки зрения творческой истории «Портрет», без сомнения, связан прежде всего с «Домиком в Коломне» и с теми ощущениями, которые Гоголь испытал, узнав пушкинскую поэму в рукописи.

Действительно: повесть «Портрет» (в первой редакции), как отметил С. А. Фомичев, «была написана не позже 1832 года и могла быть тогда уже известна Пушкину, судя по тесным творческим контактам писателей в ту пору» [Фомичев, 2007: 207]. Она предполагалась для неосуществленного альманаха «Тройчатка» (поэтому и не вошла в известный план «Арабесок»). Эту же дату работы над повестью указывал и П. Г. Паламарчук — исходя из датировок в первой редакции и из того, что

1832-й представлен во второй части «Портрета» именно как «настоящее» время действия [Паламарчук: 400].

Если попытаться реконструировать идеологическую основу повести, то она оказывается прямым продолжением причудливой идейной ситуации пушкинского «Домика в Коломне». Пушкин представил не очень серьезную историю о том, как «бес» попытался разрушить «коломенскую идиллию» и вмешаться в естественные человеческие страсти и желания (и «разрушил»-таки: той «ветхой лачужки», пристанища и обиталища героев уже нет!). Гоголь перевел эту ситуацию в трагический и фантастический фарс, «укрупнив» фигуру этого «беса», живущего «на Козьем болоте» и преследующего подобные же людские «страсти». Фантазия писателя связала ее с образом художника и представила похожую ситуацию: возникла фигура некоего «антихриста», обитающего в inferнальном пространстве столицы и всегда готового проявиться в ее пределах.

Так вот куда октавы нас вели!

Примечания

- ¹ Произведения и письма Гоголя цитируются по Большому Академическому изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1938–1952. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием автора, тома и страницы в круглых скобках.
- ² См. подробнее: [Лукьяновский], [Долинин, 1923], [Гиппиус, 1930].
- ³ Произведения и переписка Пушкина цитируются по Большому Академическому изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1949. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием автора, тома и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 566.
- ⁵ «Граф Владимир Алексеевич Васильев сказывал, что, служа в 1831 году в лейб-гусарах, однажды летом он возвращался часу в 4-м утра в Царское Село и когда проезжал мимо дома Китаевой, Пушкин зазвал его в раскрытое окно к себе. Граф Васильев нашел поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык, живучи на Юге). Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию Государя» (Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1902. № 7. С. 516).
- ⁶ Е. Д. Из воспоминаний об императоре Александре II // Ученик. 1911. № 45. С. 1087.

- ⁷ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 22, 511.
- ⁸ Вяземский П. П. Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837 // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 189.
- ⁹ Письма Е. А. Боратынского к И. В. Киреевскому // Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1899. С. 49.
- ¹⁰ Пушкин А. С. Записи народных сказок // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935. С. 405–409 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-4053.htm>
- ¹¹ См.: [Фомичев, 2000: 65]. В дальнейшем «болдинская» редакция поэмы цитируется по этому тексту с указанием страницы в круглых скобках.
- ¹² См. о ней в воспоминаниях В. А. Эртеля «Выписки из бумаг дяди Александра»: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 166–169.
- ¹³ См.: [Мордовченко: 113–118], [Степанов: 235], [Губарев: 55–59], [Антонова: 347–349], [Дилакторская: 112–142].

Список литературы

1. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1985. — Т. 2. — 575 с.
2. Антонова Н. Н. Проблема художника и действительности в повести Гоголя «Портрет» // Проблемы реализма в русской литературе XIX века. — М.; Л., 1961. — С. 337–353.
3. Гаспаров М. Л., Смирин В. М. «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне»: пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. — Рига: Зинатне, 1986. — С. 254–264.
4. Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / предисл. и сост. Л. Аллена. — СПб.: Logos, 1994. — 344 с.
5. Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского гос. ун-та. — Пермь. — 1930. — Вып. 2. — С. 61–126.
6. Гоголь в воспоминаниях современников / ред. текста, предисл. и коммент. С. И. Машинского. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. — 718 с.
7. Губарев И. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1968. — 157 с.
8. Дилакторская О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1986. — 204 с.
9. Долинин А. С. Пушкин и Гоголь (К вопросу об их личных отношениях) // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Пушкинист IV. — М.; Пг.: Государственное изд-во, 1922. — С. 181–197.
10. Лукьяновский Б. Е. Пушкин и Гоголь в их личных отношениях (Вопрос о дружбе) // Беседы. Сб. Общества истории литературы в Москве. — М., 1915. — С. 32–49.
11. Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809—1845. — М.: Аспект-пресс,

2004. — 813 с.
12. Мордовченко Н. И. Гоголь в работе над «Портретом» // Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. — Л., 1939. — Вып. 4. — С. 113–118.
  13. Паламарчук П. Г. Примечания // Гоголь Н. В. Арабески. — М.: Мол. гвардия, 1990. — С. 391–429.
  14. Панченко А. М. Пушкин и русское православие // Русская литература. — 1990. — № 2. — С. 32–43.
  15. Поволоцкая О. Я. Самосознание формы («Домик в Коломне» и «Повести Белкина») // Московский пушкинист. — М., 1996. — Вып. II. — С. 31–43.
  16. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. — 497 с.
  17. Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь. — М.: Гослитиздат, 1955. — 586 с.
  18. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 кн. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). — 575 с.
  19. Фомичев С. А. Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. — М.: Знак, 2007. — С. 187–226.
  20. Фомичев С. А. Ранние редакции поэмы «Домик в Коломне». — СПб.: Нотабене, 2000. — 78 с.
  21. Хализев В. Е. Трагический подтекст «Домика в Коломне» // Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. — М.: Гнозис, 2005. — С. 104–126.
  22. Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 172–186.
  23. Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. — СПб.: Петрополь, 1993. — 432 с.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2018

Дата публикации: 31.03.2018

Vyacheslav A. Koshelev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

(The Arzamas Branch)

(Arzamas, Russian Federation)

viacheslav.koshelev@mail.ru

**“..THE WHOLE KOLOMNA AND LIVING NATURE
OF ST. PETERSBURG...”: “THE LITTLE HOUSE AT
KOLOMNA” BY A. S. PUSHKIN AND N. V. GOGOL’S
SHORT STORY “THE PORTRAIT”**

Abstract. The article deals with the circumstances of A. S. Pushkin’s acquaintance with N. V. Gogol, that raises a number of questions. Why did Pushkin let Gogol read first his new poem “The Little House at Kolomna”? Why did Gogol first appreciate its incomprehensible plot and the depiction of “Petersburg nature”? What did the topography of the town mean for Pushkin and Gogol? Why did they place the characters of their works into this district of the capital? The answers to these questions will help to clarify the creative relationships between two classical authors of Russian literature.

Keywords: Kolomna, meeting, poem, tale, short story, topography, reconstruction, fiction

References

1. A. S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [A. S. Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, vol. 2. 575 p. (In Russ.)
2. Antonova N. N. The Problem of the Artist and Reality in Gogol’s Short Story “The Portrait”. In: *Problemy realizma v russkoy literature XIX veka [The Problems of Realism in Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 337–353. (In Russ.)
3. Gasparov M. L., Smirin V. M. “Eugene Onegin” and “The Little House at Kolomna”: Parody and Self-parody by Pushkin. In: *Tynyanovskiy sbornik. Vtorye Tynyanovskie chteniya [The Tynyanov Collection: The Second Tynyanov Readings]*. Riga, Zinatne Publ., 1986, pp. 254–264. (In Russ.)
4. Gippius V. *Gogol*; Zen’kovskiy V. N. *V. Gogol*. St. Petersburg, Logos Publ., 1994. 344 p. (In Russ.)
5. Gippius V. V. Literary Interaction Between Gogol and Pushkin. In: *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Perm State University]*. Perm, 1930, issue 2, pp. 61–126. (In Russ.)
6. *Gogol’ v vospominaniyakh sovremennikov [Gogol in the Memoirs of His Contemporaries]*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952. 718 p. (In Russ.)

7. Gubarev I. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [N. V. Gogol's Petersburg Tales]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968. 157 p. (In Russ.)
8. Dilaktorskaya O. G. *Fantasticheskoe v «Peterburgskikh povestyakh» N. V. Gogolya* [The Fantastic in N. V. Gogol's Petersburg Tales]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 1986. 204 p. (In Russ.)
9. Dolinin A. S. Pushkin and Gogol: More on the Question of Their Personal Relations. In: *Pushkinskiy sbornik pamyati professora S. A. Vengerova. Pushkinist IV* [The Pushkin Collection in Memoriam of Professor S. A. Vengerov. The Pushkin Scholar 4]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, pp. 181–197. (In Russ.)
10. Luk'yanovskiy B. E. Pushkin and Gogol in Their Personal Relationships (The Question of Friendship). In: *Besedy. Sbornik Obshchestva istorii literatury v Moskve* [Conversations. Collection of the Society for the History of Literature in Moscow]. Moscow, 1915, pp. 32–49. (In Russ.)
11. Mann Yu. V. *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2004. 813 p. (In Russ.)
12. Mordovchenko N. I. Gogol in His Work on “The Portrait”. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Proceedings of Leningrad State University. Series of Philological Sciences]. Leningrad, 1939, issue 4, pp. 113–118. (In Russ.)
13. Palamarchuk P. G. Comments. In: *Gogol' N. V. Arabeski* [Gogol N. V. Arabesques]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990, pp. 391–429. (In Russ.)
14. Panchenko A. M. Pushkin and Russian Orthodoxy. In: *Russkaya literatura*, 1990, no. 2, pp. 32–43. (In Russ.)
15. Povolotskaya O. Ya. Self-awareness of the Form (“The Little House at Kolomna” and “Belkin's Stories”). In: *Moskovskiy pushkinist* [Moscow Pushkin Scholar]. Moscow, 1996, issue 2, pp. 31–43. (In Russ.)
16. Pylyaev M. I. *Staryy Peterburg. Rasskazy iz byloy zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the Former Life of the Capital]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1889. 497 p. (In Russ.)
17. Stepanov N. L. *N. V. Gogol'. Tvorcheskiy put'* [N. V. Gogol. His Creative Way]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. 586 p. (In Russ.)
18. Tomashevskiy B. V. *Pushkin: v 2 knigakh* [Pushkin: in 2 Books]. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, book 2: Materials for the Monograph (1824–1837). 575 p. (In Russ.)
19. Fomichev S. A. Pushkin's Elements in Gogol's Works. The Gogol's Elements in Pushkin's Works. In: *Fomichev S. A. Pushkinskaya perspektiva* [Fomichev S. A. The Pushkin Perspective]. Moscow, Znack Publ., 2007, pp. 187–226. (In Russ.)
20. Fomichev S. A. *Rannie redaktsii poemy «Domik v Kolomne»* [Early Editions of the Poem “The Little House at Kolomna”]. St. Petersburg, Notabene Publ., 2000. 78 p. (In Russ.)

21. Khalizev V. E. Tragic Implications of “The Little House at Kolomna”. In: *Khalizev V. E. Tsenmostnye orientatsii russkoy klassiki [Khalizev V. E. Value Orientations of Russian Classics]*. Moscow, Gnozis Publ., 2005, pp. 104–126. (In Russ.)
22. Khodasevich V. F. Pushkin’s Petersburg Stories. In: *Khodasevich V. F. Koleblemy trenochnik. Izbrannoe [Khodasevich V. F. A Staggering Tripod. Selected Works]*. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1991, pp. 172–186. (In Russ.)
23. Yatsevich A. G. *Pushkinskiy Peterburg [The Pushkin Petersburg]*. St. Petersburg, Petropol’ Publ., 1993. 432 p. (In Russ.)

Received: February 15, 2018

Date of publication: March 31, 2018